

УДК 821.111

Моделирующая функция пословиц в романе Д.Р.Р. Толкина «Властелин колец»

Афанасьев В.А.

Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»

Статья посвящена специфике моделирующей функции, разнообразно выполняемой пословицами в романе-эпопее Д.Р.Р. Толкина «Властелин Колец». Большая часть паремий в этом произведении создана самим автором, в силу чего моделирующая функция пословицы получает решающее значение. На нескольких конкретных примерах показывается, моделью чего может служить паремиологическая единица во «Властелине Колец»; в частности моделью сюжета, речи и внутреннего мира персонажа, культуры вымышленных народов, авторского стиля и даже самого романа. В статье представлен системный подход к паремиологическому фонду «Властелина Колец»; кроме того, анализируемые пословицы впервые рассматриваются в аспекте их функционирования в романе. Автором задействованы материалы отечественных и зарубежных литературоведов, критиков и лингвистов.

Ключевые слова: Толкин, паремиология, пословица, пословица в художественном тексте, функции пословицы, модель.

Понятие «пословица» неоднозначно определяется исследователями, особенно в соотношении с поговоркой и афоризмом. Сущностными свойствами пословицы, отличающей её от поговорки, следует признать дидактичность содержания, а также завершённость логическую, грамматическую и синтаксическую. От афоризма же паремиологическую единицу можно отличить скорее не по наличию образного содержания (два понятия на основе этого признака разграничивает Г.Л. Пермяков [2, с. 17-18]), а, следуя замечанию А.А. Потебни об «безобразных пословицах» [3, с. 102], по отношению к автору высказывания. Творцом пословицы считается «народ» (разумеется, не как безликая масса людей, а как среда, ассимилировавшая и отшлифовавшая некое меткое выражение, высказанное однажды одним из членов языкового общества), тогда как автор афоризма и текст, в котором высказано афористическое суждение, известны.

Для настоящего исследования принципиальное значение имеет и такой признак пословицы как ритмизированность, а также эвфонические характеристики (рифма, аллитерация и ассонанс) – в целом необязательные, но задающее то, что можно назвать «пословичностью» (proverbiality).

Функции пословицы многообразны и в основном зависят от контекста (прагматической ситуации), в котором паремиологическая единица употреблена. Тем не менее, можно перечислить несколько универсальных функций паремии: назидательную (дидактическую или директивную), кумулятивную, оценочную, прогностическую и моделирующую [1]. Хотя все эти свойства так или иначе сопряжены друг с другом, наиболее синтетическим и многообразным является именно последнее.

Название моделирующей функции говорит само за себя: всякая пословица изображает определённую ситуацию. В двухплановых паремиях эта ситуация

воплощена в наглядном образе, в большей или меньшей степени изоморфном реальности. Количество таких ситуаций не ограничено, но модели, репрезентируемые пословицами, в известной степени клишированы в дискурсе повседневной речи.

Иначе предстают паремиологические единицы в художественном тексте, где их моделирующая функция принципиально усложняется. С одной стороны, ситуации, иллюстрированные пословицами, нередко актуализируются в контексте, предсказывая события (при этом обладая и прогностической функцией), подводя итог произошедшим или комментируя совершающиеся в момент произведения – так или иначе, пословицы становятся *микромоделями сюжета*. С другой стороны, единицы паремиологического фонда (стилистически неоднородного уже внутри себя), включаются в художественный стиль произведения и, благодаря своей ёмкости и афористичности (кумулятивная функция), могут стать *микромоделями стиля* и даже *речевыми моделями* определённого персонажа.

Разумеется, не всегда эти ипостаси моделирующей функции отражаются в контексте: нередко общеупотребительная клишированная пословица, вложенная в уста некоего персонажа, не несёт никакого сюжетообразующего начала, а служит лишь средством негативной характеристики героя (что, впрочем, можно отнести и к его речевой модели). Напротив, если пословица трансформирована автором или полностью придумана им, то рассматриваемая функция получает особое значение, а зачастую решающее, особенно в случае последовательной импликации смысла, что и можно наблюдать во взятом к рассмотрению романе-эпопее Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец».

Художественный мир этого романа исключительно сложен и многообразен. В произведении не только всецело отразились мифы и легенды «Сильмариллиона» и других сказаний, связанных с Легендариумом (корпусом текстов, посвящённых вымышленному миру Арда), но и нашли своё воплощение искусственные языки, созданные Толкином, и, разумеется, мировоззрение писателя, его взгляды на историю и язык, эстетические (и в частности фоноэстетические) предпочтения, и вообще “the philological mode of thought <...> inextricably linked with the literary structure” [14, p. 14] (имеется в виду прежде всего «Властелин Колец»).

В рассматриваемом произведении более 100 пословиц: около 70 являются авторскими, а большая часть остальных преобразована различными способами. Более того, паремиологический фонд «Властелина Колец» может быть охарактеризован как система, включающая в себя разнородные элементы, образующие тематические группы и взаимоисключающие пары и триады. Все пословицы в романе (и в особенности авторские) выполняют глобальную *иллюзионную функцию*, поддерживая иллюзию реальности художественного мира произведения (обладающего, по выражению Т.А. Шиппи, «dinosaur-like vitality» [8, p. 119] – «динозавроподобной жизненностью»). Самоочевидно, что эту функцию в данном случае можно назвать моделирующей, коль скоро паремии

участвуют в создании языкового и культурного пространства Средиземья. Изобретённые Толкином пословицы органично вплетаются в речь персонажей, причём для усиления иллюзии автор прибегает к провербиальным аффиксам (“they say, it is said”), например: «Why indeed should we welcome you, Master Stormcrow? Láthspell I name you, Ill-news; and **ill news is an ill guest** they say» [13, v. 3, p. 137].

Большинство пословиц во «Властелине Колец», следовательно, являются и моделями культуры народов Средиземья – в паремиологических единицах нередко отражены представления о ключевых понятиях и культурных концептах (добро, зло, мужество, верность, предательство). Так, особое знание о зле содержат роханские пословицы «*Oft evil will shall evil mar*» [13, v. 3, p. 224] и «*Our Enemy's devices oft serve us in his despite*» [13, v. 5, p. 120]. Разумеется, дидактическое содержание этих пословиц не оригинально и отдалённо соответствует, к примеру, русской: «Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились». Однако Толкин облёк нравоучение в оригинальную форму, представляющую собой образец возвышенной, архаической, но при этом простой и безыскусной речи Всадников Рохана.

В связи с этим моделирующая функция пословиц во «Властелине Колец» ярко проявляется и в том, что меткие выражения народной мудрости отражают если не всю динамику стилей Дж.Р.Р. Толкина, то несколько основных стиливых (и, соответственно, культурных) доминант. Так, эльфийские паремии, как и роханские, архаичны и даже более торжественны: «*Oft hope is born, when all is forlorn*» [13, v. 5, p. 176], «*Rede oft is found at the rising of the Sun*» [13, v. 3, p. 26], «*Few can foresee wither their road will lead them till they come to its end*» [13, v. 4, p. 109]. Хоббитские пословицы (а также изречения трактирщика Баттербура), напротив, нарочито разговорные и «простонародные» – они в полной мере отражают «a readiness to measure and sum up all things from a limited experience, largely enshrined in sententious traditional 'wisdom'» [13, p. 329]. Среди них встречаются действительно банальные высказывания: «*Live and learn*» [13, v. 2, p. 172], «*All's well as ends well*» [13, v. 1, p. 126], «*What's done can't be undone*» [13, v. 1, p. 220].

Однако такие замечания общего характера лишь поверхностно иллюстрируют значимость и многомерность моделирующей функции пословиц в романе «Властелин Колец». Поэтому рассмотрим более подробно несколько отдельных примеров.

Первый из них «*Third time pays for all*», более известной в вариантах «*Third time's a charm*» и «*Third time is lucky*». Найти подходящий эквивалент на русском языке очень непросто, такие изречения как «Бог любит троицу» и «Три перста крест кладут» будут лишь довольно приблизительно аналогами, эксплицитно отсылающих к религии.

Весьма важным представляется то, что рассматриваемая пословица встречается в средневековом рыцарском романе «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь», который Дж.Р.Р. Толкин долго изучал и переводил. В тексте этого про-

изведения, написанного аллитерационным стихом, паремия имеет следующую форму: «*Prid tyme browe best*» (строка 1680), а в переводе Толкина – именно аналог «*Third time pays for all*» [9, p. 67]. Сам Профессор в неопубликованном письме к Дж. Лобделлу 31 июля 1964 года писал об этой среднеанглийской паремии так: «It is an old alliterative saying using the word *throw*: time, period (unrelated to the verb *throw*); sc. this third occasion is the best time — the time for special effort and/or luck. It is used when a third try is needed to rectify two poor efforts, or when a third occurrence may surpass the others and finally prove a man's worth, or a thing's» [7, p. 516-517]. Следует также отметить, что пословица “Third time pays for all” дважды встречается в «Хоббите» [12, p. 200, 222].

Во «Властелине Колец» изречение об удачной третьей попытке фигурирует в трёх вариантах, что весьма символично и требует некоторого разъяснения и интерпретации. Проанализируем все три варианта в ближних контекстах.

«Frodo stood up. He had laughed in the midst of all his cares when Sam trotted out the old fireside rhyme of Oliphaunt, and the laugh had released him from hesitation. ‘I wish we had a thousand oliphaunts with Gandalf on a white one at their head,’ he said. ‘Then we’d break a way into this evil land, perhaps. But we’ve not; just our own tired legs, that’s all. Well, Sméagol, **the third turn may turn the best**. I will come with you’» [13, v. 4, p. 64]. («Фродо встал. Как он ни был озабочен, а все же рассмеялся, когда Сэм читал старинные детские стишки про “олифанта”, и смех помог ему решиться.

– Эх, нам бы тысячу олифантов и вперед бы пустить самого белого, а на нем – Гэндальфа, – сказал он, – тогда бы, глядишь, и пробилась в эту проклятую страну. Но у нас олифантов нет, есть только усталые ноги, на которые вся надежда. Что ж, Смеагорл, **три – счастливое число**. Где там твоя третья дорога? Давай веди» [5, с. 704]).

Речь идёт о «третьей дороге» в Мордор, по которой Голлум берётся провести Фродо и Сэма. Хранитель Кольца возлагает на Смеагола надежду, уповая на то, что третий «поворот» дороги («turning», «turn») окажется верным и приведёт к успеху. Свою надежду Фродо озвучивает ранее, восклицая «May the third time prove the best!» [13, v. 4, p. 54] (правда, в несколько другом контексте). Это выражение не является пословичным, но в то же время в большей степени, чем собственно пословица отсылает к средневековому выражению «*Prid tyme browe best*», словно зашифровывая посыл, который впоследствии по-своему претворяется в жизнь, будучи подкреплённым именно паремиями. В авторской пословице «*The third turn may turn the best*» сохраняется указание на возможность («may», «быть может») и искусно обыгрывается полисемия слова “turn”. Актуальные субстантивные значения здесь – «изгиб» (то есть «поворот», виток дороги), «раз», «попытка», а глагольные – «оборачиваться» (в значении «поворачиваться»), «оказываться», «становиться». Высказывание привязано к ближнему контексту («turn» в значении «дорога», «путь»), поскольку идёт речь о выборе вполне конкретного пути, но носит, кроме того, пословичный характер («turn» в расширительном значении «раз», «попытка») и может быть истолковано

вано двойко: «Быть может, третий путь обернётся к лучшему» (непословичное высказывание в форме предположения) и «Три – счастливое число» (весьма приблизительный аналог).

В широком контексте пословица Фродо «не срабатывает», то есть событие, которое она моделирует, не происходит. Третья дорога в Мордор в конечном итоге приводит к завершению Квеста (хотя Хранитель и «потерпел неудачу» как герой), но коль скоро паремия выражает надежду на верность Голлума – она *не оправдывается*, потому что именно на третьем пути Смеагол предаёт своего хозяина и заводит его в западню.

Вскоре после изречения первой пословицы озвучивается вторая – уже не Фродо, а Сэмом:

«‘Gollum!’ he called softly. ‘**Third time pays for all.** I want some herbs.’ Gollum’s head peeped out of the fern, but his looks were neither helpful nor friendly. ‘A few bay-leaves, some thyme and sage, will do — before the water boils,’ said Sam» [13, v. 4, p. 73]. («– Голлум! – тихонько позвал он. – **Без третьего раза счёт неполон.** Теперь мне нужны травы!

Физиономия Голлума высунулась из кустов, но она не выражала ни желания помочь, ни дружелюбия.

– Всего бы парочку листочков лаврушки, немного чабреца да шалфея – пока вода не закипела, – уточнил Сэм»; *перевод наш – В.А.*)

В данном случае хоббит озвучивает традиционную пословицу, причём в гораздо более обыденной ситуации. Речь идёт не о таких важных вещах как выбор пути и надежда на успех, а о тушёных кроликах, для приготовления которых требуются травы. Однако тем замечательней параллель – Голлум также выполняет два первых задания Сэма (поймать упомянутых кроликов и принести воды), но от третьего, «сакрального», отказывается. Этот малый бытовой эпизод, таким образом, перекликается с дальнейшим предательством Смеагола и благодаря пословице (также «не сработавшей») предвосхищает его. Возможно, в данном случае Толкин не подверг никаким трансформациям традиционную пословицу именно в силу кажущейся обыденности сцены и характера персонажа, в уста которого паремия вложена, ведь именно Сэмуайз Гэмджи – «носитель» нескольких традиционных пословиц (а также тот персонаж, в репликах которого широко представлены просторечные элементы).

Третью, последнюю пословицу, которую следует причислить уже к трансформированным, произносит Гэндальф:

«‘Twice you have borne me, Gwaihir my friend,’ said Gandalf. ‘**Thrice shall pay for all,** if you are willing. You will not find me a burden much greater than when you bore me from Zirakzigil, where my old life burned away’» [13, v. 6, p. 75]. («– Дважды ты носил меня, друг мой Гвайхир, – молвил Гэндальф. – **Третий раз окупает всё.** Не обременю я тебя более чем тогда, когда забрал ты меня с Зиракзигила, где сгорела прошлая моя жизнь»; *перевод наш – В.А.*)

Эту паремию Толкин несколько изменил по сравнению с её источником. Здесь модальный глагол «shall» выражает неизбежность, а «thrice» участвует в

параллельной конструкции двучленного высказывания, вторым членом которого и служит пословица (кроме того, «*thrice*», вероятно, отсылает к ещё одному варианту пословицы о трёх попытках – «*All things thrive at thrice*», поэтому можно говорить о своеобразной контаминации). В глобальном контексте она мало связана с двумя рассмотренными паремиями, потому что касается только Гэндальфа и Гвайхира – Владыка орлов дважды успешно спасал волшебника (один раз – с вершины Ортанка, другой – с горы Зиракзигил). Тем не менее, спасение Фродо и Сэма, чьи пословицы в той или иной степени «не состоялись», удаётся Гвайхиру и его приближённому. Получается, что три высказывания, каждое из которых соотнесено с определённой триадой, также выстраиваются в триаду (любопытно, что триадичность усматривается даже на уровне происхождения пословиц – первая является авторской, вторая – традиционной, и третья – трансформированной), и именно последняя, третья пословица воплощается в жизнь как третий раз или третья попытка.

В настоящей статье не предпринимается дальнейших шагов в интерпретации семантики чисел – это требует отдельного исследования и соотношением с символикой чисел в контексте всего романа. Так или иначе, важно отметить, что все три пословицы (пусть даже употреблённые в совершенно разных контекстах) принадлежат трём ключевым персонажам романа – Фродо, Сэму и Гэндальфу, в чём можно с определённой долей осторожности усмотреть авторское намерение. Более того, они связаны с образом Голлума, который «нарушает» две пословицы, но на третий раз гибнет, тем самым спасая Фродо, Сэма и все Свободные Народы Средиземья. При этом сам Смеагол осмысляет число «три» как нечто роковое – очень характерно его высказывание «'Three times! <...> Three times is a threat...'» [13, v. 4, p. 48] – хотя и привязанное к совершенно определённом контексту (речь идёт об угрозе со стороны Кольцепризрака, уже третий раз пролетающего над головами героев), но отчасти даже являющееся пословичным, обладающее универсальностью и в то же время имплицитно характеризующее персонажа.

Таким образом, сюжетные ситуации, моделируемые пословицами в художественном тексте, не только могут распространяться на глобальный контекст (что и так вполне очевидно), но и взаимодействовать друг с другом; при этом несколько однородных моделей могут специфическим образом составлять некую общую структуру – «метамодель», соотносимую со своими частями. Разумеется, примеров подобных образований на паремиологическом уровне в художественных очень немного (и, вероятно, они возможны только в случае пословиц о числах), но тем интереснее рассмотренный случай.

Вновь возвращаясь к образу Голлума, проанализируем пословицу, моделирующую речь этого персонажа.

«'Ach, sss! Cautious, my precious! **More haste less speed**. We musstn't rissk our neck, musst we, precious? No, precious – *gollum!*'» [13, v. 4, p. 19] («– Ах! Ш-ш-ш! Осторожно, С-сокровище мое! **Тиш-ше едешь – дальше будешь**. Нам нельзя рисковать ш-ш-шеей, нет, мое С–сокровище! *Голлм-голлм!*») [6, с. 755])

Это первая реплика Голлума в романе (если не считать пересказы и «цитаты» Гэндальфа), сопровождающая первое же его появление в качестве активно действующего лица. В высказывании в избытке присутствует внутренняя аллитерация на «s», позволяющая передать свистящую и шипящую речь Голлума, то есть создающая звуковой образ этого персонажа. Толкин приспособил традиционную поговорку «*More haste, less speed*» под такой необычный выговор, исходя, вероятно, в первую очередь именно из фоноэстетических соображений, и даже не подверг паремии никаким трансформациям, поскольку в ней и так сильна аллитерация на «s» – настолько, что третье и четвертое слова сливаются при быстром устном воспроизведении.

Следует, впрочем, отметить, что две противопоставленные части настоящей поговорки, на письме обычно разделяются запятой, которая в высказывании Голлума отсутствует, что, в сущности, превращает поговорку в совсем другое, непословичное и весьма парадоксальное изречение. Дело в том, что опущение запятой, разграничивающей «haste» и «less» не только формально разрушает двухчленную конструкцию, но и ведёт к фактическому совмещению этих слов. В таком случае «less» выступает в качестве суффикса для «haste» со значением отсутствия или лишённости. Высказывание, в сущности, прочитывается как «*More hasteless speed*» (буквально «Больше неторопливой скорости»). М. Стантон справедливо характеризует его как «An oppositional and oxymoronic saying; its logic is that of «Haste makes waste», but given Gollum's demented nature, it is difficult to say whether he is at this point urging himself on or trying to rein himself in» [10, p. 340].

Итак, рассматриваемая поговорка, превращаясь в парадоксальное, почти бессмысленное суждение, моделирует не только речь персонажа, но и его внутренний мир (напомним, что это одна из первых реплик Голлума), отражая его сложную, двойственную и противоречивую натуру.

Но и этим не исчерпывается разнообразие моделей, репрезентируемых поговорками во «Властелине Колец». Рассмотрим последний пример.

«‘Well, here at last, dear friends, on the shores of the Sea comes the end of our fellowship in Middle-earth. Go in peace! I will not say: do not weep; for **not all tears are an evil.**’ [13, v.6, p. 181] («Итак, настал конец нашему Содружеству, дорогие друзья, — по крайней мере здесь, в Средьземелье. Мы стоим на берегу Моря. Простимся же! Оставайтесь с миром! Я не стану говорить вам — «не плачьте», **ибо не всякие слезы — во зло!**») [6, с. 1279])

Это последняя поговорка Гэндальфа (и всего произведения, если не считать Приложений), завершающая его последнюю реплику в самом конце романа. Не без оснований можно утверждать, что она подводит итог всему повествованию. Хотя основной сюжет «Властелина Колец» заканчивается гораздо раньше (с уничтожением Кольца), сильнейшую эмоциональную реакцию у читателя вызывает, скорее всего, именно финальная сцена прощания в Серой Гавани.

«Утешение волшебными сказками – как писал Дж.Р.Р. Толкин в эссе «О волшебных сказках», – радость счастливого финала, или, точнее, радость благой катастрофы [то есть *эвкатастрофы* – термин самого Толкина], внезапный «поворот» к радости (ибо на самом-то деле никакого финала у волшебной сказки не бывает): эта радость – одно из ощущений, что волшебные сказки порождают особенно успешно <...>. Таков признак хорошей волшебной сказки – сказки более высокого и более совершенного уровня, <...> когда наступает «поворот», у ребенка или взрослого, ее выслушивающего, перехватывает дыхание, замирает сердце, а *на глаза едва не наворачиваются (а то и впрямь наворачиваются) слезы*. Подобной силой воздействия обладает любая форма литературного искусства, и все же ощущение это – особого свойства» [4, с. 153-154] (курсив наш – В.А.).

Хотя речи Гэндальфа и обращены к хоббитам («я не скажу вам: не плачьте»), и они, и последующая пословица относятся также к читателю; автор словно подсказывает ему определённую реакцию. В сущности, такой приём Толкин использует постоянно при смене стилей: «As he climbed to the top of his stylistic hierarchy Tolkien on occasion wrote in the responses he wanted instead of evoking them» [8, p. 192], как отмечает Т. Шиппи. В этом, как представляется, заключена отнюдь не избыточность, а наоборот – гениальность Толкина-прозаика. Именно в этой точке повествования читатель острее всего испытывает «радость благой катастрофы», и финальная пословица имплицитно заключает в себе толкиновское отношение к волшебной сказке и к литературе в целом. Таким образом, она моделирует *весь* роман «Властелин Колец» и читательскую реакцию на его завершение.

Итак, в рассматриваемом произведении паремии выступают в качестве моделей сюжета, авторского стиля, речи и внутреннего мира персонажа, культуры вымышленных народов и, наконец, самого романа-эпопеи. Благодаря этому пословицы играют существенную роль в моделировании художественного мира «Властелина Колец», являясь важной частью фольклорно-мифологического импликационала произведения. Дальнейшее рассмотрение паремиологического фонда романа продуктивно для изучения специфики функционирования традиционных и авторских пословиц в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева Е.И. Прагматические функции пословиц в художественном дискурсе (на материале немецкоязычной художественной прозы) // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2012. №7-8. С. 116-123.
2. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
3. Потехина А.А. Теоретическая поэтика. / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. М.: Высшая школа, 1990. 344 с. (Классика литературной науки).
4. Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики и другие статьи. / Пер. с англ.; под ред. Кристофера Толкина. М.: Elsewhere, 2006. 300 с. (Дж. Р. Р. Толкин: филологическое наследие).
5. Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. / Пер. с англ. А. Кистяковского, В. Муравьёва. М.: АСТ, 2015. 1120 с.

6. Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. / Пер. с англ., предисл., коммент. В. Каррика, М. Каменкович. М: Издательство АСТ, 2015. 1696 с.
7. Rateliff D. J. The History of The Hobbit.. L.: HarperCollins, 2007.
8. Shippey T.A. The Road to Middle-earth. L.: HarperCollins, 1992.
9. Sir Gawain and The Green Knight, Pearl and Sir Orfeo. / Transl. by J.R.R. Tolkien; ed. by Ch. Tolkien. L.: HarperCollins, 1995.
10. Stanton M. "Advice is a Dangerous Gift": (Pseudo)Proverbs in *The Lord of the Rings* // Proverbium. Vermont., 1996. № 13. P. 331-345.
11. Tolkien J.R.R. The Letters / Ed. by H. Carpenter. L.: HarperCollins, 1995.
12. Tolkien J.R.R. The Hobbit, or There and Back Again. L.: HarperCollins, 1997.
13. Tolkien J.R.R. The Lord of The Rings. Seven-volume edition. L.: HarperCollins, 2012.
14. Turner A. Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings. Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2005.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Lazareva E.I. Pragmaticcheskie funkcii poslovic v hudozhestvennom diskurse (na materiale nemeckojazychnoj hudozhestvennoj prozy) // Social'no-gumanitarnyj vestnik Juga Rossii. 2012. №7-8. S. 116-123.
2. Permjakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii. M.: Nauka, 1988.
3. Potebnja A.A. Teoreticheskaja pojetika. / Sost., vstup. st., komment. A.B. Muratova. M.: Vysshaja shkola, 1990. 344 s. (Klassika literaturnoj nauki).
4. Tolkin Dzh. R. R. Chudovishha i kritiki i drugie stat'i. / Per. s angl.; pod red. Kristofera Tolkina. M.: Elsewhere, 2006. 300 s. (Dzh. R. R. Tolkin: filologicheskoe nasledie).
5. Tolkin Dzh.R.R. Vlastelin Kolec. / Per. s angl. A. Kistjakovskogo, V. Murav'jova. M.: АСТ, 2015. 1120 s.
6. Tolkin Dzh.R.R. Vlastelin Kolec. / Per. s angl., predisl., komment. V. Karrika, M. Kamenkovich. M: Izdatel'stvo AST, 2015. 1696 s.
7. Rateliff D. J. The History of The Hobbit.. L.: HarperCollins, 2007.
8. Shippey T.A. The Road to Middle-earth. L.: HarperCollins, 1992.
9. Sir Gawain and The Green Knight, Pearl and Sir Orfeo. / Transl. by J.R.R. Tolkien; ed. by Ch. Tolkien. L.: HarperCollins, 1995.
10. Stanton M. "Advice is a Dangerous Gift": (Pseudo)Proverbs in *The Lord of the Rings* // Proverbium. Vermont., 1996. № 13. P. 331-345.
11. Tolkien J.R.R. The Letters / Ed. by H. Carpenter. L.: HarperCollins, 1995.
12. Tolkien J.R.R. The Hobbit, or There and Back Again. L.: HarperCollins, 1997.
13. Tolkien J.R.R. The Lord of The Rings. Seven-volume edition. L.: HarperCollins, 2012.
14. Turner A. Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings. Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2005.

Modelling function of the proverbs in the novel «The Lord of The Rings» by J.R.R. Tolkien

Afanasev V.A.

National Research University «Higher School of Economics»

The article is dedicated to the specificity of the modeling function accomplished by the proverbs in the novel «The Lord of the Rings» by J.R.R. Tolkien. In this literary text, the majority of paremias is invented by author himself; therefore, the modeling function of a proverb obtains a determinative meaning. It is illustrated through some examples what model a paremiological unit could represent in «The Lord of The Rings»; in particular, it could be a plot model, a model of character's speech and internal world, a model of culture of an imaginary folk, a model of author's style and even of the novel itself. In the article a system approach to the paremiological fund of «The Lord of the Rings» is represented; moreover, analyzed proverbs

are considered in the contest of their functioning for the first time. The author used the materials of domestic and foreign literary critics, scholars and linguists.

Key words: Tolkien, paremiology, proverb, proverb in a literary text, functions of proverbs, model.

Сведения об авторах:

Афанасьев Владимир Алексеевич – студент 3 курса «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», бакалавр; 603115, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, д.25/12; e-mail: svintrups@gmail.com

Afanasev Vladimir Alekseevich – third year student, National Research University «Higher School of Economics»; bachelor's degree; 603115, N. Novgorod, B. Pecherskaya st., 25/12; e-mail: svintrups@gmail.com

Ссылка для цитирования:

Афанасьев В.А. Моделирующая функция пословиц в романе Д.Ж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» // Гуманитарный научный вестник. 2017. №6. С. 4-13. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№6-Afanasev.pdf>